

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-016-023

ОККУПАНТЫ И НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Красноженова Елена Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
E-mail: eleena@inbox.ru

В основе войны Германии против СССР лежала идея расширения «жизненного пространства» немецкой нации, способной во благо собственного развития использовать ресурсы захваченных территорий советских республик. Население предназначенных к завоеванию стран должно питать экономику Германии ресурсами живой силы, природные запасы их бывших территорий будут обеспечивать хозяйственные нужды немецкой армии и всего немецкого народа. Важнейшим инструментом экономического использования оккупированных территорий стала налоговая система, вывоз производственного оборудования, имущества организаций и граждан. Для кадрового обеспечения промышленных производств на оккупированных территориях создавались биржи труда, распределявшие гражданское население на работы на местные предприятия. Оккупация принесла огромный ущерб населению, экономике и хозяйству Северо-Запада России. Существенно сократилась численность местного населения, которое уничтожалось в концлагерях, подвергалось грабёжам и террору, мобилизовалось на оборонительные и другие работы. Население испытывало постоянный голод, минимальное снабжение получали только лица, привлечённые к обязательным работам на производстве. Значительное число трудоспособных граждан оккупированных районов Северо-Запада было отправлено на принудительные работы в Германию. Насильственный угон населения в Германию сопровождался невиданной жестокостью и зверскими расправами. В условиях усилившихся репрессий начался процесс массового вступления сельского населения в партизанские отряды.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, Ленинградская область, оккупация, гражданское население, голод, биржи труда, принудительные работы, налоги, сопротивление

THE OCCUPANTS AND THE POPULATION OF NORTH-WEST RUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR²

Krasnozhenova Elena E., D. Sc. (History), Professor
29 Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
E-mail: eleena@inbox.ru

The war of Germany against the USSR was based on the idea of expanding the "living space" of the German nation, capable of using the resources of the occupied territories of the Soviet republics for the benefit of its own development. The population of the countries destined for conquest must feed the German economy with man power resources, the natural reserves of their former territories will provide the economic needs of the German army and the entire German people. The most important tool for the economic use of the occupied territories was the tax system, the export of production equipment, property of organizations and citizens. For staffing industrial production in the occupied territories, labor exchanges were created, distributing the civilian population to work at local enterprises. The occupation caused enormous damage to the population, economy and economy of the North-West of Russia. The number of the local population, which was destroyed in concentration camps, was subjected to robberies and terror, and was mobilized for defensive and other work, significantly decreased. The population experienced constant hunger, only those who were involved in compulsory

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

² The reported study was funded by RFBR and BRFFBR, project number 20-59-00004; number Г20Р-287 «People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941–1944».

work in production received the minimum supply. A significant number of able-bodied citizens of the occupied regions of the North-West were sent to forced labor in Germany. The violent deportation of the population to Germany was accompanied by unprecedented cruelty and brutal reprisals. In the face of intensified repression, the process of mass entry of the rural population into partisan detachments began.

Keywords: Great Patriotic War, North-West, Leningrad region, occupation, civilians, famine, labor exchanges, forced labor, taxes, resistance

В июле 1941 г. немецко-фашистские войска вторглись на территорию Ленинградской области. Из 72 районов области они полностью оккупировали 51 район и 12 – частично [1, с. 304]. Начало оккупации региона оставило глубокий след в памяти очевидцев. «Я с родителями и 11-летней сестрой жила в Ленинграде, но в июне 41-го года папа привёз нас на лето к бабушке и дедушке в деревню Сорокино на Псковщине» [6, с. 31]; «До войны наша семья жила в красивой лесной деревне в 76 дворов на берегу Ловати. В старину через наши края проходил знаменитый путь “из варягов в греки”. По Ловати все деревни располагались неподалеку друг от друга и стояли на государственных землях... Первые мои воспоминания связаны с бомбежками. Как всё гремело и грохотало, как прятались в погребе. Бабушка Александра – мамина мама – жила в 7 километрах от нас, и в её дом попала бомба. Она в этот момент была в огороде и уцелела, перешла жить к нам. Мы переселились в окопы, но скоро и там стало жить невозможно...» [6, с. 34].

Достижение успеха в военных кампаниях обеспечивается не только за счёт количественных показателей сражающихся армий, выучки личного состава каждого армейского подразделения и полководческих талантов их командиров, но и благодаря экономическим достижениям стремящегося к победе общества. Ещё до начала войны параллельно с разработкой захватнических планов в Берлине были подготовлены детальные инструкции по осуществлению долговременной оккупации России, её деиндустриализации, уничтожению крупных городов, сокращению численности населения. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в борьбе сошлись две крупнейшие экономики – Германии, поставившей себе на службу в конце 1930 – начале 1940 гг. фактически все экономические системы поработанных ею стран Западной и Восточной Европы, и Советского Союза, совершившего в 1930-е гг. рывок в развитии индустрии, выведший его хозяйственную сферу в число передовых экономик мира.

В основе войны Германии против СССР лежала идея расширения «жизненного пространства» немецкой нации, способной во благо собственного развития использовать ресурсы захваченных территорий советских республик. Разработка доктрины экономического развития Германии была тесно связана с идеологической программой Третьего Рейха, основанной на положении о том, что сильное немецкое государство нуждается в завоевании новых, богатых природными ископаемыми земель. Славянское население предназначенных к завоеванию стран должно питать экономику Германии ресурсами живой силы, природные запасы их бывших территорий будут обеспечивать хозяйственные нужды немецкой армии и всего немецкого народа. Поработанное население рассматривалось в концепциях экономического развития Германии и как источник потребления товаров германской промышленности [10, с. 62].

Были разработаны планы обеспечения немецкой армии ресурсами на территории подлежащего к захвату Советского Союза. Чернозёмные районы центральной России, Белоруссия и Украина должны снабжать Германию продуктами, кавказский район – нефтью, бензином, цинком, молибденом и медью, предприятия Ленинграда, Москвы, Киева, Харькова, Волгограда, Тулы и других индустриальных центров гарантировали возможность изготовления боеприпасов и ремонта танков, самолётов, орудий. Планировалось использовать промышленный потенциал Челябинска, Свердловска, Перми [10, с. 191].

Восточный штаб экономического руководства (штаб «Восток») разработал программы подчинения экономики СССР задачам развития Третьего Рейха. Так, после захвата той или иной территории предусматривался учёт сохранившегося после боёв производства и определялся его будущий профиль, при отдалении фронта на восток должна была начаться тщательная работа с уцелевшими работниками производства (заключение трудовых договоров с ними могло достигаться даже посредством угроз использования репрессий против

членов их семей). Далее предусматривалось восстановление разрушенных элементов производства и налаживание контроля над деятельностью заводов и фабрик, чья продукция теперь пересылалась в войска или отправлялась в Германию и её союзникам. Сельскохозяйственный сектор оккупационной экономики на территории СССР на первом этапе войны предполагал меньшие временные затраты на организацию производства, основной задачей здесь был вывоз продукции в армию, а средств производства – скота и физически здоровых людей в качестве фактических рабов – в Германию. После окончательного разрушения Советского государства предполагалось выстроить на его бывшей территории систему аграрного производства, созданную на основе частной собственности немцев с использованием принудительного труда местного населения.

Успехи Германии в начальный период Великой Отечественной войны позволили ей захватить значительную часть советской территории с находившимися там ресурсами и производственными учреждениями. Уже в первые месяцы войны руководство Восточного штаба рапортовало в Берлин об успехах Германии в создании на оккупированной территории Советского Союза эффективной экономической системы, способной решить поставленную перед ней задачу. Основным элементом системы создаваемой экономики была тяжёлая, средняя и лёгкая промышленность. Сразу после захвата той или иной территории проводилась ревизия состояния и технического снабжения средств производства промышленных предприятий. Брались под контроль горюче-смазочные материалы. Определялась специализация предприятий в целях обеспечения нужд немецкой армии: заводы и фабрики становились площадками ремонта танков, самолётов и артиллерии; выпускали боеприпасы, ткани и т. д.

Для кадрового обеспечения промышленных производств на оккупированных территориях создавались биржи труда, которые проверяли уровень профессиональной квалификации вставшего на учёт гражданского населения. Большая часть граждан распределялась на местные предприятия (где, как правило, они работали и до войны), некоторые специалисты отправлялись в Германию. Биржи определяли на работы на производстве не только специалистов из числа инженеров или рабочих. На промышленные предприятия направлялись молодёжь и люди среднего возраста из числа горожан.

Лица, заявлявшие готовность активно сотрудничать с нацистским командованием, после ряда проверок могли быть устроены на службу в полицию или в местную администрацию. При согласии девушек приносить пользу Германии и её солдатам, они проходили медицинскую комиссию и зачислялись в штат домов терпимости. Так, девушкам поселка Вырица Ленинградской области в возрасте от 17 до 22 лет было приказано «явиться в комендатуру в изящной обуви, с причёской, одетым в белые блузки и чёрные юбки, с шёлковым платком на плечах» [18, л. 115]. Часть из них отобрали в «Дом эльфов», устроенный в бывшем Доме отдыха Лен-трамвая.

После собеседований на бирже работник получал регистрационную карточку с пометками о квалификации и реальном или возможном трудоустройстве. Этот документ был так же важен для человека, как паспорт, поскольку отсутствие его при проверке полицией или военной комендатурой на любом участке оккупированной территории могло служить основанием для ареста в подозрении уклонения от службы Германии или даже в партизанской деятельности. Регистрационные карточки явились не только формой учёта горожан как потенциальных работников, но и инструментом их принуждения к текущим тяжёлым работам [11, л. 572].

Все трудоспособные советские граждане, начиная с 15 лет, мобилизовались на обязательные работы. В случае необходимости администрация и командование немецкой армии могли экстренно собирать на строительство сооружений обороны или производства всех трудоспособных жителей небольших городов [13, л. 40]. Подобные мобилизации объявлялись систематически, начиная с первых месяцев войны. Граждане обоего пола в возрасте от 14 до 60 лет (нередко – и старше) были обязаны по первому требованию властей выходить на работы, имеющие большое значение для инфраструктуры оккупированного района. При этом не учитывалось ни физическое состояние человека, ни его образовательный уровень или направление социальной деятельности. Продолжительность рабочего дня составляла

10–14 часов с небольшими перерывами и минимальным обеспечением продуктами питания. Едва отработав в рамках мобилизаций, люди шли на службу, определённую им биржей труда.

Условия работы на основном производстве мало отличались от описанных выше. Трудовой день также длился 12–14 часов, перерывы в работе были редкими и короткими. Работники ежемесячно получали заработную плату в размере 300–900 рублей. Так, в Гостилицком сельсовете Ораниенбаумского района Ленинградской области на работах по стирке белья, на очистке и строительстве дорог захватчики ежемесячно платили местным гражданам от 50 до 120 рублей. На эту денежную сумму можно было купить несколько десятков яиц, несколько буханок хлеба и кусок мыла. Подросткам и детям устанавливалась зарплата в 45 рублей в месяц. Продовольственный паёк всех работающих на оккупантов в этом районе состоял из 1 200 г хлеба в неделю, 50 г жиров и столько же сахара [12, л. 390]. В Волосово ежедневный рацион для работающих – 300 г хлеба или 240 г муки, для детей и неработающих – 150 г хлеба или 120 г муки [12, л. 398].

Испытывая постоянный голод, люди были вынуждены искать приработок или бродить по местности в надежде выкопать из земли прошлогоднюю картошку, морковь, брюкву или другие овощи. Обычной практикой стало добавление в пищу коры деревьев, травы, клея и т. д. В леса, где можно было бы набрать грибов или ягод, мирных жителей не пускали оккупанты, опасавшиеся возникновения связей местного населения с партизанами. «В 1942-м начался настоящий голод. Порой мы ничего не ели по несколько дней. Немцы, видя тяжёлое положение с продуктами, разрешили днём передвигаться по дорогам. Масса людей с саночками бродили от деревни к деревне в поисках съестного, отдавая за еду что у кого было: одежду, обувь, посуду. Особенно ценились швейные машинки, за них давали два пуда картошки или пуд муки» [6, с. 22].

Производительность труда на промышленных производствах, организуемых захватчиками, была крайне низкой, и не оправдывала ожиданий немцев. Руководство заводов и фабрик из числа местных жителей в большинстве случаев в полной мере не использовало систему штрафных санкций, как это требовалось нацистскими администрациями, фактически разделяя скрытые протестные настроения рабочих по отношению к оккупантам.

Непростой для германского командования на территории СССР была и ситуация в аграрном секторе. В первые месяцы войны в оккупированных сельских районах Северо-Запада России коллаборационистские администрации смогли убедить многих крестьян сотрудничать с немцами, «освобождающими простых людей от гнёта большевиков». Недолгая традиция существования колхозов была объявлена порочной, пошедшие на сговор с новой властью селяне ожидали передачи собственности колхозов в индивидуальное владение. В первые месяцы войны не отличалась успехом советская пропаганда. Партизаны порой признавали, что немцы не напрасно обращались к частнособственнической инициативе селян [2, л. 84]. Значительная часть деревенских жителей, среди которых были и пострадавшие в период репрессий 1920–1930-х гг. зажиточные селяне, верила оккупационной пропаганде [4, л. 7]. Так, население целых районов Ленинградской и Псковской областей – Лужского, Славковского, Стругокрасненского – отказывалось помогать партизанам, выполняя при этом распоряжения немецкого командования в сфере сдачи налогов Германии натуральными продуктами [3, л. 5].

Нацисты в первые месяцы войны выдерживали политику демонстративного сотрудничества с поверившими им представителями крестьянства, освобождая их от уплаты налогов в пользу Рейха, раздавая им имущество колхозов. Во многом это объяснялось обстановкой на фронте, не требовавшей создания репрессивной системы отбора продовольствия у населения в пользу немецкой армии, когда солдаты вермахта сами добывали себе пропитание за счёт масштабного захвата сельскохозяйственных территорий СССР.

Ситуация существенно изменилась осенью – зимой 1941 г. Первоначально в отдалённых районах, а затем и повсеместно на оккупированных территориях стало нарастать партизанское движение, участники которого преследовали коллаборационистов, приводя в исполнение вынесенные им за предательство смертные приговоры. В повседневной практике партизан и подпольщиков оказалась осмысленная пропаганда среди крестьян, разоблачающая преступные планы нацистов по отношению ко всему советскому народу. Население оккупированных регионов наконец узнало о первых успехах Красной армии.

Германское правительство предприняло ещё одну крупную попытку склонить сельское население на свою сторону 15 февраля 1942 г., когда «рейхминистерство освобождённых областей» обнародовало текст нового указа о землепользовании на оккупированных территориях под общим названием «Дар Адольфа Гитлера – русскому крестьянству». Этим указом упразднялось всё советское земельное законодательство, отменялись колхозы. Основной формой собственности селян было объявлено индивидуальное хозяйство. Переходной фазой к единоличной собственности на землю было объявлено общинное хозяйство, в котором взрослые жители деревни должны были отработать производственную норму [19, л. 18]. Идея общины потребовалась нацистам в качестве гарантий круговой поруки за выполнение довольно объёмного плана поставки продовольствия в немецкую армию, сражавшуюся теперь уже в несоизмеримо более трудных условиях. В рамках указанной программы немецкое командование давало разрешение администрациям многих оккупированных районов передать в пользование крестьян земельные участки, зерно для посева и тягловый скот. Оккупанты осуществляли жесткий контроль качества обработки земли. Так, если вспашка не проводилась единоличниками три раза, земля отбиралась. Это порождало недовольство в среде крестьян [12, л. 390].

Налоговая система, без которой было бы невыносимо само существование всей экономической сферы, создавалась нацистами в тесной связи с другими механизмами хозяйствования на оккупированной территории. Единой налоговой программы на захваченных территориях не существовало вследствие различий в уровне развития хозяйства оккупированных областей СССР [8]. В октябре 1941 г. оккупанты обнародовали «Временное распоряжение о взимании налогов и сборов», где были обозначены основные показатели собираемых налогов. На местах разрабатывались более подробные программы взимания податей с населения [19, л. 18]. Лица и целые социальные группы, пострадавшие от репрессий советской власти и являвшиеся теперь пособниками нацистского режима, почти полностью освобождались от налогов.

Сбор налогов осуществлялся через старост. На местах оптимальной формой налога признавался коллективный сбор с населённых пунктов в целом. Величину налога, взимаемого с каждого хозяйства, самостоятельно определяли старосты деревень и небольших городов. Кроме индивидуального обязательного налога население оккупированных районов Северо-Запада России платило денежные сборы за все имеющиеся в хозяйстве виды собственности – дом, средства производства, скот, собак, кур и т. д. Кроме этого с хозяев каждой коровы взимался натуральный налог молоком, владельцы кур отдавали оккупационным властям определённое количество снесённых яиц и т. д. В некоторых районах нацистские администрации обязывали селян держать кур-несушек, яйца от которых необходимо было сдавать в качестве налога [12, л. 401]. Так, годовые нормы сдачи сельскохозяйственных продуктов в оккупированных районах Ленинградской области были следующие: «молоко – 400–450 л с коровы, по 30 яиц с курицы, по 3 000 кг картофеля с га, зерновые культуры по 300 кг с га» [9, л. 79–85].

В зимние месяцы обязательной формой налога для гражданского населения Северо-Запада России была сдача тёплой одежды – полушубков, валенок, носков, варежек и т. д. Например, в приказе оккупационной администрации поселка Волосово Ленинградской от 1 февраля 1942 г. области указывалось, что «каждая семья в деревне должна до 5 февраля 1942 года сдать за плату в 6 марок 1 пару валенок. Каждый колхоз должен сдать до 15 февраля 10 пар новых валенок, за которые будет заплачено до 12 марок за каждую пару. За каждую несданную пару валенок будет из колхоза взята бесплатно одна корова. Общие дворы должны собрать шубы, полушубки, валенки и сдать в Сиверскую комендатуру 23 и 24 декабря 1941 г.» [15, л. 108]. Нацисты показательно мотивировали лиц, сдававших налоги сверх положенной нормы, покупкой у властей дефицитных продуктов – соли и водки [12, л. 402]. В случае неуплаты налогов местные оккупационные власти могли брать в заложники членов семей провинившегося, их держали под арестом до тех пор, пока домочадцы не закрывали долг [12, л. 406].

Особой формой налога были сборы за подготовку документов гражданам местной администрацией. Оплачивалось изготовление справок о рождении (10 рублей), регистрации брака (100 рублей), регистрации по месту жительства (10 рублей), разрешение строить жилое и нежилое помещение (50 рублей), заниматься тем или иным ремеслом (50 рублей), съездить к проживавшим в другой местности родственникам (10 рублей) и т. д. Прошение на изготовле-

ние справок оплачивалось отдельно. На Северо-Западе России его стоимость в среднем составляла 5 рублей [12, л. 398].

Расценки могли отличаться на тех или иных территориях, однако принцип сбора средств в казну администрации оставался неизменным. Впоследствии эти деньги шли в военно-хозяйственные ведомства Германии или напрямую на нужды воевавших в восточных регионах дивизий вермахта и располагавшихся в этом районе дивизий СС.

С осени 1942 г. нацисты резко увеличили налоговые сборы с населения, недоимки стали выколачивать силой, что вызывало сильное недовольство селян [12, л. 402]. Противодействие коллаборационистским властям со стороны едва родившейся социальной группы единоличных собственников стало осознанным летом – осенью 1943 г., когда немецкое командование в силу понимания катастрофического положения собственной армии начало реализацию мероприятий по конфискации имущества у крестьян и насильственной депортации советской молодёжи в Германию. В ходе реквизиции урожая немцы забирали у крестьян все запасы хлеба и овощей. Поэтому местные жители часто снимали урожай ночью, увозя снопы в лес. За отказ от сдачи продовольствия оккупанты поджигали как отдельные хозяйства, так и целые деревни. Часто нацисты оцепляли территории продуктовых рынков и полностью забирали весь товар [5, с. 181]. Появились и прецеденты показательных расстрелов должников перед налоговым ведомством.

Апофеозом нацистской оккупационной политики на территории Северо-Запада России стала система концентрационных лагерей. Так, на территории города Красногвардейска Ленинградской области было расположено несколько концлагерей для гражданских лиц: в Торфопоселке, в артиллерийских казармах на пр. 25-го Октября, на ул. Хохлова, железнодорожный лагерь между вокзалами. В них содержались граждане, эвакуированные из Мги, Пушкина, Красного Села, а также арестованные за разные провинности: кражи с огородов, грубость в отношении немцев, уклонение от работ, даже за сбор картофеля со своего огорода. Наряду со взрослыми в лагерях содержались дети и старики [3, л. 5].

Репрессивные методы на захваченных территориях были чудовищны, для многих узников концлагерей была уготована долгая и мучительная смерть от голода и холода, ужасные условия жизни, повседневные побои, пытки, изнуряющая работа, недостаток пищи и медицинского обслуживания, расстрел за малейшее непослушание [2, л. 84]. Лагеря были обнесены колючей проволокой в несколько рядов с узкими дорожками между ними. Бараки не имели стёкол и не отапливались. Иногда они были настолько переполнены, что заключенные спали на голом полу [2, л. 84].

Весной 1942 г. началась массовая отправка гражданского населения на принудительные работы в Германию. В поселке Волосово Ленинградской области среди населения была распространена нацистская пропагандистская листовка под названием «Труди хлеб в Германии!». В ней говорилось о том, что «девушки и женщины до 60 лет, не имеющие определённого занятия, могут сейчас же получить в Германии работу в сельском хозяйстве. Там они получают питание, жилище и заработную плату. Также семьи с детьми не моложе 10 лет могут записаться на работу. Отъезд в Германию назначается еженедельно. Приём записей и выдача сведений производится на бирже труда в Волосово» [14, л. 102].

Жители Северо-Запада России скрывались от угона в Германию в лесах. В условиях усилившихся репрессий начался процесс массового вступления сельского населения в партизанские отряды. Насильственный увоз населения в Германию сопровождался невиданной жестокостью и зверскими расправами. Известны случаи, когда сжигались целые деревни с жителями из-за отказа их жителей отправиться в Германию. Самое памятное место в Ленинградской области – деревня Большое Заречье, которую в октябре 1943 г. сожгли фашисты.

Оккупация принесла огромный ущерб населению, экономике и хозяйству Северо-Запада России. В 13 освобожденных районах Ленинградской области оккупанты разрушили и разграбили 828 населённых пунктов, 38 железнодорожных узлов, 237 промышленных предприятий, 215 школ, 59 коммунальных зданий. В Новгороде осталось не более 15 домов, пригодных для жилья. Полностью уничтожены семь школ, 14 библиотек, разрушено пять больниц, четыре амбулатории и семь здравпунктов. Софийский собор, построенный в XI в., был полуразрушен.

Уничтожена построенная в XI в. церковь Спаса Нередицы. Памятник, возведённый к тысячелетия России, разобран и подготовлен к отправке в Германию. В Павловске сохранилось 211 домов из 1 403. В Гатчине разрушено 150 зданий. Гатчинский и Павловский дворцы сожжены. В Гдове из 600 зданий осталось 32. Почти полностью разрушены города Красное Село, Кингисепп, Любань, Тосно [9, л. 79–85].

Важнейшими источниками о потерях среди гражданского населения являются акты комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Так, в акте комиссии города Пушкина указано: «Погибло в войну 18 тыс. чел. Расстреляно 6 268 чел. (из них 50 детей). Повешено 1 106 чел. Замучено 1 214 чел. Умерло от голода 9 514 чел. Погибло под обломками 286 чел. Угнано в Германию 17 968 чел. Из 1 557 домов осталось 20» [16, л. 89]. Оккупация Тосненского района Ленинградской области длилась с августа 1941 по январь 1944 г. За это время было сожжено три больницы, два роддома, три амбулатории, угнано немцами 70 605 чел. При освобождении в районе находилось 110 чел. [17, л. 40]. За время оккупации Ленинградской области 253 230 советских граждан было угнано на принудительные работы в Германию [9, л. 79–85]. Бесчинство и произвол немецких солдат и офицеров, расстрелы и умерщвление советских людей, разрушение городов и деревень подтверждаются многочисленными свидетельскими показаниями и актами Чрезвычайной государственной комиссии.

Свою лепту в развенчание мифов германского командования о будущем благоденствии русских селян пытались внести партизаны и подпольщики, распространявшие листовки с призывами не верить лживым обещаниям Гитлера, конечной целью которого является превращение русских «свободных собственников» в батраков при немецких помещиках [2, л. 84]. Партизаны казнили руководителей и пособников коллаборационистских администраций, срывая планы по сбору налогов, нападали на строящиеся силами мирных граждан объекты инфраструктуры нацистского режима, освобождая таким образом многие тысячи советских людей, многие из которых, кстати, пополняли личный состав партизанских отрядов, в труднодоступных для управления режимом районах партизаны устанавливали свою власть, тем самым, разрушая на местах звенья едва складывавшихся цепочек жизнеспособности хозяйственно-экономической системы Германии на территории Советского Союза. Планы создания Германией жизнеспособного аграрного сектора экономики на оккупированной территории, таким образом, закончились провалом.

Список литературы

1. В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. – Ленинград : Лениздат, 1985. – 422 с.
2. Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области (далее ГАНПИНО). – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 201.
3. ГАНПИНО. – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 212.
4. ГАНПИНО. – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 225.
5. Загорулько, М. М. Крах плана «Ольденбург» / М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков. – Москва : Экономика, 1980. – 376 с.
6. Иванова, И. А. За блокадным кольцом. (Воспоминания) / И. А. Иванова. – Санкт-Петербург : Вести, 2010. – 640 с.
7. Ковалёв, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России / Б. Н. Ковалёв. – Москва : АСТ, Транзиткнига, 2004. – 544 с.
8. Красноженова, Е. Е. Организация повседневной жизни населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4 (33). – С. 41–48.
9. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). – Ф. Р-1249. – Оп. 1. – Д. 169.
10. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – Москва : Госполитиздат, 1963. – 324 с.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 7.
12. РГАСПИ. – Ф. 625. – Оп. 1.–Д. 11.
13. РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 8. –Д. 27.

14. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). – Ф. 3355. – Оп. 1. – Д. 26-а.
15. ЦГА СПб. – Ф. 3355. – Оп. 4. – Д. 95.
16. ЦГА СПб. – Ф. 8557. – Оп. 1. – Д. 1100.
17. ЦГА СПб. – Ф. 9421. – Оп. 1. – Д. 123.
18. ЦГА СПб. – Ф. 9421. – Оп. 1. – Д. 198.
19. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. – Ф. 0-116. – Оп. 9. – Д. 172.

References

1. *V gody surovyykh ispytaniy. Leningradskaya partiynaya organizatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [In the years of severe tests. Leningrad party organization during the Great Patriotic war]. Leningrad, Lenizdat Publ. House, 1985, 422 p.
2. *State Archive of Contemporary Political History of the Novgorod Region*, fond 260, inventory 1, case 201.
3. *State Archive of Contemporary Political History of the Novgorod Region*, fond 260, inventory 1, case 212.
4. *State Archive of Contemporary Political History of the Novgorod Region*, fond 260, inventory 1, case 225.
5. Zagorulko, M. M., Yudenkov, A. F. *Krakh plana "Oldenburg"* [The collapse of the Oldenburg plan]. Moscow, Ehkonomika Publ. House, 1980, 376 p.
6. Ivanova, I. A. *Za blokadnym koltsom. (Vospominaniya)* [Behind the blockade ring. (Memories)]. St. Petersburg, Vesti Publ. House, 2010, 640 p.
7. Kovalev, B. N. *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii* [Nazi occupation and collaboration in Russia]. Moscow, AST Publ. House, Tranzitkniga Publ. House, 2004, 544 p.
8. Krasnozhenova, E. E. *Organizatsiya povsednevnoy zhizni naseleniya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Nizhnego Povolzhya)* [The organization of an everyday life of the population during the Great Patriotic war (on materials of the Lower Volga region)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2012, no 4 (33), pp. 41–48.
9. *Leningrad Regional State Archives in Vyborg*, fond P-1249, inventory 1, case 169.
10. *Prestupnye tseli – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupatsionnoy politike fashistskoy Germanii na territorii SSSR (1941–1944 gg.)* [Criminal goals are criminal means. Documents on the occupation policy of Nazi Germany on the territory of the USSR (1941–1944)]. Moscow, Gospolitizdat Publ. House, 1963, 324 p.
11. *Russian State Archive of Social and Political History*, fond 625, inventory 1, case 7.
12. *Russian State Archive of Social and Political History*, fond 625, inventory 1, case 11.
13. *Russian State Archive of Social and Political History*, fond 69, inventory 8, case 27.
14. *Central State Archives of St. Petersburg*, fond 3355, inventory 1, case 26-a.
15. *Central State Archives of St. Petersburg*, fond 3355, inventory 4, case 95.
16. *Central State Archives of St. Petersburg*, fond 8557, inventory 1, case 1100.
17. *Central State Archives of St. Petersburg*, fond 9421, inventory 1, case 123.
18. *Central State Archives of St. Petersburg*, fond 9421, inventory 1, case 198.
19. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*, fond 0-116, inventory 9, case 172.